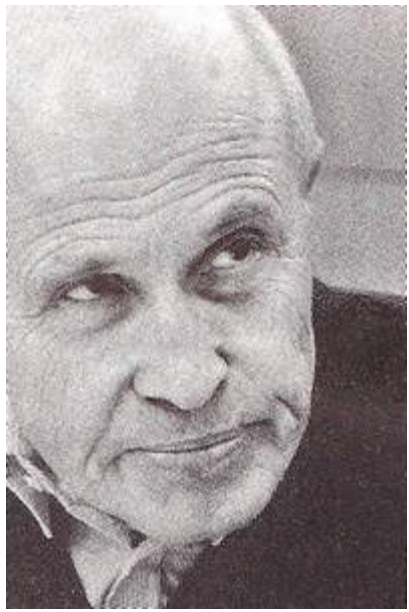
Давай здесь останемся жить!

Борис Петрович Екимов

SHOUT
SHARE
IT

- Борис ЕКИМОВ

Борис ЕКИМОВ
Давай здесь останемся жить!



В один из будничных дней поздней, но теплой осени решил я устроить невеликий праздник для себя и для своего внука Мити и вместо обычной прогулки, рядом с жильем, сели мы на автобус и уехали в соседний поселок, совсем невеликий, но с громким названием Пятиморск.

В поздний утренний час просторный вместительный автобус, пробежав недолгие километры по голой пустынной степи, прибыл на место, высадив немногочисленных пассажиров на первой же остановке; к остановке конечной мы остались одни. И вышли одни, рука об руку, старый да малый.

Недолго погромыхав по щербатой асфальтовой дороге, автобус исчез из вида, истаяли звуки его, растворяясь в осенней глуши малого селенья: невеликих домиков, просторных садов, огородов, а главное, высоких, раскидистых уличных тополей, кленов, акаций да вязов. Тем и славен поселок, построенный полвека назад месте с судоходным каналом, для его обслуги: домики под красными черепичными крышами, укрытые тенистыми аллеями, зелеными стенами листвы и ветвей. Когда-то, полвека назад, все это было посажено. Слава богу, и ныне от жарких ветров бережет, укрывает, радует душу уютный

ухоженный скверик в центре поселка, уличная зелень, просторный дичающий парк вдоль берега.

Сейчас, поздней осенью, деревья облетали, с тихим шелестом роняя и роняя листву. Земля была устлана мягким многоцветным ковром: тополевый лист да кленовый, дубовый, вязовый, желтый, багряный, пламенно-алый.

Поселок лежит на берегу просторного водохранилища. Летом здесь хорошо купаться, зимой — рыбачить. Проводив автобус, мы сразу же повернули к воде.

Обычно во время прогулок малый внук мой любит поговорить, о чем-то спрашивает, что-то рассказывает: «Почему?.. Это интересно! Не понимаю… Теперь понял! Это интересно!..» Словом, не молчит.

А здесь, в поселке, из автобуса вышли, он — ни слова: глядит по сторонам, обвыкается в новом месте.

От автобусной остановки и людского жилья мы выбрались к берегу, миновав светлый молодой тополевник. Возле воды Митя занялся делом, для него любимым: камешки швырял, любуясь брызгами, или бросал в воду сухие палки и глядел, как волна выплескивает их на берег или уносит вдаль.

Наши обычные с внуком пешие прогулки — возле его жилья, пятиэтажного дома. Ближняя округа — дома, в основном двухэтажные, а между ними — дощатые, почерневшие от времени сараи да сарайчики с погребами для картошки и прочих запасов; а еще — гаражи. Все это тесной толпой, плечом к плечу. Гаражей с каждым годом все больше, как и легковых автомобилей, которые полоняют округу: не только улицы, но и дворы, тротуары. Они газуют, рычат, сердито сигналят, прогоняя с пути тихоходов, старых да малых, вроде нас. Митя машин боится, прижимаясь ко мне всем телом, когда они проезжают рядом. Спокойно гулять можно лишь в невеликом дворе музыкальной школы, за железным забором, который пока еще цел. Да еще — в прогалах, между сараями и гаражами, порою брошенными, с пустыми дверными проемами и черными ямами подвалов, до которых малыш любопытен, побаиваясь, но пытаясь заглянуть туда, он спрашивает, крепче сжимая мою руку:

— А что там? А кто там живет? А почему?..

Бродячие кошки да собаки порой отвечают прежде меня.

Есть и еще одно развлеченье. «Кран», «мусорка», «мульда», «мусоровоз», «свалка» появились в числе первых слов Мити. Потому что рядом целых три «мусорки» с железными баками-«мульдами». Одно из любимых зрелищ для малыша: подъем и опрокидывание баков с мусором в просторное чрево мусоровоза. Натужное гуденье мусоровоза. Натужное гуденье

подъемника, грохот — разве не развлеченье?

А здесь, в дне сегодняшнем, была просто осень. И ничего более. Обычный погожий денек с редкими тучами, солнцем. Просторная вода, прозрачная у песчаного берега, словно летняя. Только ракушек нет. Они ушли в глубину, на зимовку.

Осень царила в задичавшем просторном парке или просто береговом лесистом займище, где всего понемногу. Могучие раскидистые осокори да серебристые тополя в редкой уже лимонной листве, на ветвях, а в подножьях — ее мягкие золотистые россыпи. Рядом — молодые еще, всего в полвека, дубы в темном и светлом янтаре листвы с черной прожилью ветвей да веток.

Шумит верховой ветер. Шуршит и падает, кружась, листва, украшая густые черные терновые заросли. Ветер, листопад, запах коры, палых листьев, пресной воды и никаких машин. Для меня, старого, это понятное облегченье. Но и малый внук мой не думал скучать. Он ходил да бродил сам по себе. Бороздил листву, сгребал ее в высокие кучи ногами, руками, словно маленький бульдозер. И падал на эту кучу, лежал, отдыхая. На лице — блаженная улыбка. А потом взрыв: охапками листья вверх летят, разносятся ветром — метель многоцветная. Тоже радость.

Пооою отыскав особенно яркий красивый лист, он прятал его в кармашек, сообщая. «Это — маме, это — папе…»

Так мы и шли, неторопливо, без видимой цели. Порой забавлялись, нарочито теряясь в чащобе, аукаясь. Редкую в наших краях белку увидели, поглядели на нее, порадовались и снова продолжили свой тихий поход, стараясь держаться ближе к воде, к ее теплому пресному дыханью, плеску волн.

Увидели плавучую церковь, причаленную на зимний покой в тихом заливе: обычная баржа с просторной надстройкой — храмом, конечно же с куполом и вовсе малой колоколенкой. Мы долго церквушку разглядывали, а уходя, попрощались: «Пока, пока…»

И в том же заливе — рыбацкие мостки, невеликие причалы для лодок. Шатучие, без перил. Но тем интереснее: боязно, но хорошо. Прозрачная осенняя вода над ногами, зеленые водоросли, а рыбок не видно и лягушек нет.

— Холодно. В норах спят, — объяснил мне Митя.

Потом мы долго сидели на стволе подмытого вешней водой, упавшего белокорого тополя. Глазам открывался просторный вид: вода и вода, небо и небо, и очень далекий другой берег.

Говорили мы мало, не докучая друг другу.

— Туман… — сообщал малыш, глядя вдаль.

Я ему не перечил, хотя дальний берег был ясно виден.

— Туман… — соглашался я.

Грузовой теплоход, почти неслышно, проплыл мимо нас. Наверное, он был последним, как говорят, «закрывал навигацию», и потому прогудел, прощаясь с поселком, долгим летом и, значит, с нами.

— Пока, пока… — ответили мы ему.

А потом пришли волны от прошедшего теплохода. Они долго шумели, набегая на берег, видно, тоже прощаясь: «Пока, пока…»

Так мы ходили и бродили, а порою отдыхали.

Незаметно прошел час и другой, подступило время отъезда. Я сказал:

— Пошли, милый, на остановку. Скоро автобус придет.

Малыш перечить не стал, и, миновав тихую улочку, мы вышли к железному павильону автобусной остановки. Наш автобус уже погромыхивал где-то вдали, приближаясь.

И вот тогда, для меня совсем неожиданно, трехлетний малыш поднял голову и попросил:

— Давай здесь останемся жить.

Что я мог ответить этим светлым детским глазам. Я лишь грустно улыбнулся, вздохнул. Внук меня понял и тоже вздохнул, опуская глаза.

Мы поднялись в автобус, сели у окна и поехали. Прогулка кончилась.